

Хомченко С.Н.**Военнопленные армии Наполеона в Нижегородской губернии в 1812-1814 гг.**

// Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сборник материалов XIV Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2006. С. 190-209.

[190] Основными источниками по данной теме являются материалы Центрального архива Нижегородской области, а так же мемуары самих военнопленных, проживавших в Нижегородской губернии и проходивших через нее в указанный период. В фондах Центрального архива Нижегородской области имеется 21 дело, содержащее в себе информацию по указанной теме. Из них 17 дел общим объемом около 800 листов касается непосредственно пленных. Это двусторонняя административная переписка губернатора на трех уровнях (со столицей, другими губернаторами и местными уездными властями), рапорты препровождающих партии военнопленных офицеров и чиновников, списки приходящих и находящихся в губернии пленных, их прошения и другие сведения, дающие ценный материал об этой странице истории Отечественной войны 1812 г. Мемуарная информация по плену достаточно разнообразна и находится в диапазоне от упоминания о проходе через губернию до описания городов губернии, нравов местных жителей, бытовых сцен. Нами обнаружены воспоминания девяти военнопленных, из которых восемь (француз су-лейтенант Белэ, капитан Обри, хирург Фюзейе, баварец капрал Бютнер, польский врач Пешке, вестфалец унтер-лейтенант Рюппель, ганноверцы на французской службе шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт и рядовой Циммерман) в разное время проходили через губернию, а один, французский капитан Шерон, провел плен на ее территории.¹ Привлекая к исследованию официальные документы совместно с личными воспоминаниями можно слегка оживить сухость архивов и шире представить картину происходившего, а так же выявить некоторые неточности и предвзятость источников.

Первоначально Нижегородскую губернию не планировалось использовать для пребывания здесь военнопленных и она исполняла роль транзитной для проходящих партий. Однако по мере активации [191] боевых действий в губернии стали появляться и «постоянные» пленные. Установить точное время появления здесь пленных и оставления их на жительство представляется затруднительным, но уже в октябре 1812 г. Нижегородский гражданский губернатор Руновский обратился в Особенную канцелярию Министерства Полиции с рапортом о чрезмерном стеснении Нижнего Новгорода и совершенном недостатке квартир и других помещений для казенного постоя, что могло повлиять на решение властей об оставлении здесь пленных.²

Возможно, что первым пленным в губернии стал доставленный сюда в ноябре 1812 г. секретарь Гильом Бер, француз по национальности, но подданный России. Поехав перед войной по казенным и личным делам во Францию, он поступил во французскую службу (по его словам – был взят насильно). Попав во время кампании в плен, он по личному повелению Главнокомандующего М.И. Кутузова, был отправлен под строгий арест в Нижний Новгород, получив содержание наравне с пленными обер-офицерами. В мае 1813 г. отец молодого человека, Санкт-петербургский банкир, начал хлопотать за сына, но добился лишь разрешения отправить ему деньги и вещи. Очевидно, после разбирательства этого дела российские власти сочли действия Гильома Бера серьезным преступлением, так как в 1814 г. он был выслан в Астрахань.³

По предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 16 января 1813 г. о предоставлении сведений о военнопленных Руновский 19 февраля отправил рапорт, содержащий сведения о числе пленных, перечень нижних чинов по роду войск и полкам, именной список офицеров, записку о числе умерших. Отсюда известно, что на февраль 1813 г. в губернии состояли 1 генерал (барон Пьер Готрэн), 10 обер-

офицеров и 740 нижних чинов 16 национальностей. К этому времени из проходящих и находившихся здесь пленных умерло 630 человек.⁴

Следующие сведения о прибытии пленных, относятся уже к июлю. Тогда через Нижний Новгород поручик Симонов провел 4 подполковников, 21 обер-офицера, 16 нижних чинов и 1 женщину, на дальнейшее препровождение которых в Пензу из Нижегородской казенной палаты по распоряжению губернатора от 2 июля было выдано прогонных, кормовых и порционных денег 733 руб. 94 коп.⁵

[192] 9 августа из Тамбова в Арзамас прибыла партия в числе 1 штаб-офицера, 48 обер-офицеров и 9 служителей в сопровождении подпоручика Колыванского пехотного полка Чернявского. На следующий день подпоручик 20 егерского полка Трунов привел туда же 1 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 2 офицерских жен и 5 служителей. Все они были обеспечены денежным содержанием и оставлены здесь на жительство⁶.

Прибывшие в Арзамас пленные причиняли немало проблем местным жителям, особенно хозяевам домов, в которых они остановились. Несмотря на выделяемые им деньги, некоторые пленные промышляли воровством, выкапывая в ночное время из обывательских огородов картофель, морковь и другие овощи. При приготовлении пищи нарушались правила обращения с огнем. После нескольких жалоб арзамасский городничий дважды делал нарушителям спокойствия замечания, однако это мало подействовало. 23 августа к городничему пришел отставной солдат Семен Галанин, жалуясь, что трое квартирующих у него обер-офицеров в пьяном виде вломилась в комнату его квартирантки Натальи Распопиной, «намереваясь сделать ей гнусный поступок». Когда Галанин встал на ее защиту, один из офицеров схватил его за горло и вытолкнул вон. Пьянство продолжилось с десятком офицеров, пришедших из других квартир. Приведя с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, городничий потребовал от квартирантов удалиться, но они отказались подчиниться, ругались «матерными французского диалекта словами» и даже ударили квартального надзирателя. О происшествии было доложено губернатору и тот предписал отправить наиболее буйных офицеров в уездный город Семенов, а остальным объявить предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о суждении военнопленных за преступления по российским законам. В случае повторных происшествий зачинщиков предписывалось брать под стражу и высылать в Нижний Новгород для предания военному суду. Вскоре из Арзамаса выехали подполковник Детон и 10 обер-офицеров, которые через Нижний Новгород прибыли в Семенов 3 сентября. Среди них находился мемуарист французский капитан Шерон, который совсем по-другому описал происшедший инцидент. [193] По его словам, городничий испытывал ненависть ко всем французам и воспользовался первым же поводом для демонстрации этого. После жалобы местного жителя (Шерон не объясняет ее причины) он явился на квартиру и начал с несколькими сопровождающими оскорблять офицеров, двое из которых получили несколько ударов палками. Те же якобы молча снесли обиду, опасаясь, что их убьют или отправят в Сибирь. Высылка из Арзамаса была воспринята с большим удовлетворением, как спасение. Однако отношение городничего к другим пленным и некоторые высказывания Шерона заставляют усомниться в объективности последнего. А врач Пешке, три месяца спустя проходивший через Арзамас, охарактеризовал местного городничего, как «человека доброго».⁷

8 сентября в Арзамас прибыла партия военнопленных из Тамбова в сопровождении прапорщика 7-го полка Московского ополчения Степанова в числе 1 штаб-офицера, 91 обер-офицера, 3 офицерских жен, 8 офицерских служителей. Вскоре по распоряжению губернатора прибывшие были отправлены в Княгинин. 19 сентября княгининский городничий отправил рапорт об их приходе, приложив список прибывших. Из них особо стоит выделить французского [194] подполковника Этьена Лавернье, а так же лейтенанта Иоганна Люица, шведа по национальности.⁸

22 октября в Нижний Новгород на пути из Владимира в Казань пришла партия из 23 офицеров, 10 нижних чинов и 1 женщины. Через казенную палату им было выдано 575 руб. 06 коп. на прогон, пищу и жалование.⁹

31 октября из Чернигова в Арзамас прапорщик Екатерининского пехотного полка Дранишников привел партию в составе 5 штаб-офицеров, 34 обер-офицеров, 1 офицерской жены, 53 нижних чинов, 3 солдатских жен. На жительство они были оставлены здесь же¹⁰.

Крупные партии пленных прошли через губернию в декабре. 6-8 и 8-9 декабря в Арзамасе находились две партии, следовавшие из Витебска в Симбирск. В первой под командой поручика Тверского ополчения Мечкова находилось 7 офицеров и 83 нижних чина, во второй поручик Минского гарнизонного батальона Апушенов сопровождал 7 офицеров, 98 нижних чинов и 1 женщину. В середине декабря через Макарьевский уезд были препровождены две партии пленных французов: в одной – 154 человека, в другой – 231, о чем из Макарьевского нижнего земского суда губернатору был отправлен рапорт от 14 декабря.¹¹

18 декабря из Тамбова в Нижний Новгород в сопровождении поручика 4 егерского полка Иванова прибыла партия в числе 25 обер-офицеров, 1 офицерской жены, 7 нижних чинов. Поселены они были недалеко от города в Печерской Слободе. В начале января 1814 г. офицерам было выдано по 100 руб. на покупку теплой одежды.¹²

Большинство пленных нижних чинов отправлялось на жительство в Семеновский уезд. Местный земский исправник отличался пунктуальностью и ежемесячно отправлял губернатору подробный рапорт о состоянии военнопленных со списками вновь прибывших, в которых он отмечал не только фамилию и имя пленного, но и его чин, возраст, национальность, полк, место и время пленения. Так, на 1 декабря 1813 г. в округе состояло 366 солдат и 1 женщина. В декабре к ним добавилось 27 человек, в январе 1814 г. – 24, в феврале – 3, в марте – 25, в апреле – 13. Так же в рапортах фиксировались и выбывшие. В декабре в связи с освобождением подданных немецких государств в Нижний Новгород были отправлены 50 человек, [195] в январе 1 пленный умер, в феврале – 1 пропал, 1 умер, 27 отправлены в Нижегородский лазарет, 4 переведены в другие места, в марте – умер 1, в апреле – 3. Находившиеся здесь пленные проживали на территории вотчины князя Н.Г. Волконского. Его управляющий Ф. Бурмистров неоднократно жаловался губернатору на пленных, доставлявшим крестьянам лишние затраты и разорение и просил переселить часть их в соседние незанятые вотчины. Однако в ходе переписки губернатора с Семеновским земским исправником выяснилось, что в других вотчинах не было постоянной повинности, там проживали удельные крестьяне. Поэтому существующее положение сохранилось.¹³

Большой проблемой для пленных была теплая одежда. Еще в августе прибывшие в Арзамас партии жаловались на нужду в одежде и обуви, в связи с чем городничий затребовал у губернских властей средства на их закупку. В ответ он получил от губернатора распоряжение прислать список требуемых вещей с указанием суммы. Такая же переписка состоялась в сентябре у княгининского городничего. Арзамасский городничий в рапорте от 18 сентября доложил, что для покупки одежды требуется 3383 руб. 25 коп. по местным ценам, на что губернатор посоветовал договориться с продавцами о понижении цен. 25 сентября городничий ответил, что с приближением зимы цены только увеличиваются. Однако военнопленные добровольно согласились довольствоваться суммами на починку старой одежды: офицеры – по 35 руб., служители – по 25 руб., офицерские жены – по 15 руб. Таким образом, удалось сэкономить 541 руб. 75 коп. Губернатор согласился на это, но предписал следить, чтоб суммы шли только на исправление одежды, а на другие надобности не употреблялись. В ноябре арзамасский городничий прислал новое требование на одежду и обувь, на этот раз на 1 046 руб. 22 коп.¹⁴

Денежное содержание пленных осуществлялось по предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге Вязмитинова от 29 августа 1812 г. Нижним чином положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам - 50 коп., майорам - 1 руб., полковникам и подполковникам - 1 руб. 50 коп., генералам - 3 руб. в сутки. Однако предписание заключало в себе серьезное противоречие. Во французской армии чин подполковника (шеф батальона – в пеших частях и шеф [196] эскадрона – в кавалерийских) следует за капитаном и находится ниже майора. Поэтому возникала парадоксальная ситуация, когда нижестоящие по чину подполковники получали больше вышестоящих майоров, чем майоры были, естественно, недовольны.

В этом смысле показательна история с Этьеном Лавернье, шефом батальона 53 пехотного полка, произведенным в майоры в ходе кампании. По пути следования его партии в Тамбов, он, записанный как подполковник, получал 1 руб. 50 коп., однако в Тамбовской казенной палате на его дальнейшее препровождение в Нижегородскую губернию был выделен 1 руб. По прибытии 19 сентября в Княгинин, Лавернье подал жалобу местному городничему, который рапортовал об этом губернатору. В ответ тот 23 сентября предписал производить выплату по 1 руб. Вскоре Лавернье был переведен в Сергач, куда 15 ноября губернатор отправил распоряжение вновь платить ему по 1 руб. 50 коп. Неизвестно, успел ли сергачский городничий получить это распоряжение (время прохождения почты между Нижним Новгородом и Сергачом – 3-4 дня), но 19 ноября он отослал рапорт, что Лавернье сообщил ему, что имеет чин майора. В ответ на запрос губернатора о причинах такого заявления шестеро находившихся в Сергаче пленных офицеров подписали удостоверение о старшинстве майора перед подполковником и объяснили метания Лавернье желанием получать деньги в соответствии со своим истинным положением. 19 декабря губернатор распорядился считать Лавернье подполковником, как он показан в списках, а распоряжение от 15 ноября отменено не было.¹⁵

Безуспешно пытался добиться повышения содержания наравне со штаб-офицерами шеф госпиталей Салицис. На соответствующий запрос губернатора от 20 августа из столицы 21 сентября поступил ответ, «что как нам рангов французских различать невозможно и чины их неизвестны, то и просьбы Салициса удовлетворить нельзя»¹⁶.

2 октября 1813 г. вышло еще одно предписание, облегчающее пленным офицерам зимовку. Согласно ему желающие офицеры могли получить под расписку по 100 руб. для закупки одежды. В ноябре начались соответствующие выплаты. Так, семеновский городничий выдал находившимся в его ведении 10 офицерам 1000 руб.¹⁷

[197] В Сергаче желание получить деньги на одежду высказали 73 офицера. Однако по донесению сергачского городничего от 21 ноября восемнадцать из них оказались не офицерами, после чего выплата им была остановлена. Городничий спрашивал, как поступить с ежедневными суммами. Губернатор приказал представить список и доказательства неофицерства обманщиков, а до тех пор платить им по 50 коп. К сожалению, сведения об окончании этой истории нами не обнаружены.

Несколькими днями ранее, 15 ноября, в Сергаче капитан Санк, лейтенант Шанпион и су-лейтенант Крун, из которых двое последних были пьяны, избili военнопленного Матьи, за что были арестованы и находились под стражей до начала января. Обиженный Матьи сам сознался, что он унтер-офицер, после чего был отправлен для военного суда к командующему Нижегородским гарнизонным батальоном подполковнику Баралю. 13 декабря губернатор предписал знающему французский язык княгининскому городничему отправиться в Сергач и на месте разобраться, не откроются ли новые случаи обмана.

Аналогичная ситуация сложилась в Арзамасе. В донесении от 1 октября тамошний городничий писал: «Находящийся здесь военнопленный Николай Клодель почасту находится в пьянстве, в коем чинит буйные поступки, от которых хоть и был удерживаем, но остался непреклонным. А притом в списке ... показан в числе обер-офицеров и потому получал порционные деньги наравне с другими. Ныне же по донесению знающих его

обер-офицеров оказалось, что он Клодель 13 егерского полка капрал, о чем от обер-офицеров отобраны записки». Клодель так же был отправлен к подполковнику Баралю для предания суду за ложные показания, пьянство и буйство. В ноябре находившиеся в Арзамасе офицеры донесли городничему, что Морис Августин, записанный как императорский курьер и получавший по 50 коп., является императорским конюхом. Он «находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки с военнопленными офицерами». Он также был предан суду. Об этих фактах губернатор своевременно сообщал Главнокомандующему в Санкт-Петербурге.¹⁸

В числе пленных находились и поляки. Многие из них считались российскими подданными, поэтому правительство относилось к ним [198] не как к солдатам армии противника, а как к государственным преступникам. Их предписывалось отделять от других пленных и отправлять в Грузию для пополнения гарнизонов Кавказской пограничной линии. Так, в августе 1813 г. из Нижнего Новгорода в Грузию были отправлены 4 польских рядовых: Валески, Жиезки, Строгович и Гробовский. Перед угрозой высылки оказался и находившийся в Сергаче 25-летний поручик гвардейского 1 уланского полка Матвей Шлей. Зная русский, французский и немецкий языки, он исполнял роль посредника между пленными и местной администрацией и был здесь на хорошем счету. Не желая отправляться на Кавказ, он в начале ноября 1813 г. написал крайне верноподданническое прошение о вступлении в российскую службу (Приложение №1). Несмотря на это 10 декабря Шлей был отправлен в Георгиевск. Последующий за его высылкой рапорт сергачского городничего с просьбой о возвращении ценного помощника не помог.¹⁹

Даже в плену связь с домом не прерывалась. Ряд военнопленных получал письма с родины. Это генерал Готрэн, шеф госпиталей Салицис, обер-лейтенант Гофман (со 150 руб.), офицеры Гидотти и Шадильер. А самым популярным адресатом был су-лейтенант Густав де Грас, получивший с августа 1813 г. по март 1814 г. 9 писем и деньги на общую сумму 1250 руб.²⁰

Некоторых пленных брали на содержание в свои дома местные жители. Так, у полковника С.М. Мартынова проживали 2 рядовых, у генерал-майора Бахметьева – 2 офицера, у поручика Козлова – 1 рядовой, у нижегородского полицмейстера Бабушкина – 1 рядовой (портной), у надворного советника Н.И. Лебедева – 1 рядовой, а в имении статского советника К.М. Ребиндера употреблялись в работу 11 рядовых.²¹

Единственный из пленных генерал барон Готрэн проживал в одиночестве в Лукояновском уезде. 10 октября 1813 г. полковник 9 конно-егерского полка Калон, находившийся в Арзамасе, обратился к губернатору с просьбой о переводе его в Лукоянов к Готрэну для «взаимных утешений». В рапорте Калон называл себя адъютантом и другом генерала, однако в списках названного полка среди штаб-офицеров такой фамилии нами не найдено, да и сам факт нахождения полковника в адъютантах у бригадного генерала сомнителен. [199] Возможно, здесь имел место еще один случай самоповышения в звании. Просьба Калона была удовлетворена губернатором 14 декабря, а вскоре, 26 декабря, Готрэн сам получил разрешение на отлучку к живущей неподалеку помещице Мерлиной.²²

Часть пленных выразила желание принять российское подданство. Например, лекарь 2 класса Джованни Крозино подал просьбу принять присягу и заниматься медицинской практикой, о чем Нижегородский губернатор отнесся к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге 4 декабря 1813 г. В ответ в распоряжении от 19 января 1814 г. генерал Штаб-доктор А. Крейтон объявил, что для получения права на отправление практики Крозино должен выдержать экзамен в ближайшем российском университете. В начале мая ему был выдан паспорт для проезда в Москву, куда Крозино прибыл, по сообщению Московского губернатора, около 12 мая и сразу же был отправлен к ректору Московского Университета. Однако на предварительном испытании Крозино показал столь

недостаточные знания в медицине, что даже не был допущен до основного экзамена и ни с чем вернулся в Нижний Новгород, не оставив, впрочем, своих медицинских занятий.²³

Свое желание стать подданным России выразил лекарь Александр Бриан, чья присяга была разрешена распоряжением Главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 10 июля 1814 г. А вот подавшему просьбу о вступлении в российскую службу еще в мае 1813 г. медицинскому чиновнику Алберту присяга была отсрочена до окончания боевых действий.²⁴

В мае 1813 г. отбыли в Орел 21 человек, пожелавшие вступить на службу в Легион, формируемый из военнопленных.. Известным осталось имя только одного из них – это француз Ж. Б. Колленбиель.²⁵

Выразили желание вступить в подданство французские рядовые Жан Санро и Пьер Удо. Остались в России рядовые француз Фандебрук и австриец Шевалье, первый из которых стал нижегородским мещанином, а второй – крестьянином. В августе 1813 г. выехал в Саратов, чтобы поселиться между немецкими колонистами, австриец Пантелей Каминский. Нижегородский губернатор предписал от города до города давать ему доброго поведения проводника, ...отводить удобные квартиры, обходиться с ним ласково и человеколюбиво, [200] не делать ему никаких обид и притеснений, о чем внушать проводнику. В августе 1814 г., уже после распоряжения Комитета Министров от 9 августа об отказе в подданстве и отправлении в Отечество изъявивших такое желание, попросился в подданство унтер-офицер Конецкий.²⁶

Некоторые военнопленные рисковали бежать, несмотря на то, что побег грозил отправкой в Сибирь. В ноябре 1813 г. из партии французов, отправленных из Нижнего Новгорода в Казань под командой унтер-офицера Евсигнеева, на тракте не доходя до города Василя учинили побег пленные французы Пьер Вибыон, Антоний Башин и Луи Гастин, о розыске которых дано было знать в окрестные губернии. Однако поиски беглецов не увенчались успехом и с 31 января 1814 г. дело об их побеге было прекращено. В сентябре 1813 г., по донесению Семеновского земского исправника из квартиры неизвестно куда отлучился французский унтер-офицер Жан Алке, розыск которого велся в Нижнем Новгороде. В феврале 1814 г. вновь из Семеновского уезда бежал еще один пленный, имя которого осталось неизвестным.²⁷

Особенно трудно приходилось заболевшим пленникам, хотя местные власти и оказывали им посильную медицинскую помощь. Так, с марта по август 1813 г. для военнопленных, находящихся в больницах Нижегородской врачебной управы, из аптеки выделялись лекарства на сумму 98 руб. 90 коп.²⁸ Всего же через больницы губернии, по донесениям начальников госпиталей, до августа 1814 г. прошло 676 больных, из которых 259 умерло, большей частью в 1812-начале 1813 гг.²⁹

Время плена подходило к концу. Первыми на пути домой оказались испанцы и португальцы, которых по предписанию Вязмитинова от 15 ноября 1812 г. нужно было отправить в Санкт-Петербург. Такое быстрое освобождение было связано с тем, что Испания наравне с Россией вела войну с Наполеоном и бывших пленников планировалось использовать в общих целях. На территории Нижегородской губернии пленных этих национальностей, скорее всего не было, но они проходили через Нижний Новгород из более восточных районов страны. 7 июля 1813 г. из Нижегородской казенной палаты для отправки в Кострому 79 испанцев, 17 португальцев и 5 [201] ганноверцев было выдано 626 руб. 24 коп. прогонных, кормовых и порционных денег. Через неделю для аналогичной партии из 62 испанцев и 13 португальцев, проходящих из Пензы в Кострому, было выделено 401 руб. 36 коп. Один из испанцев, Мигель Баио, остался в связи с болезнью в нижегородской больнице. Выздоровев 12 ноября, он был снабжен одеждой на 57 руб. 09 коп. и 29 ноября был отправлен до Костромы.³⁰

25 апреля 1813 г. вышло предписание об освобождении и отправлении в Белосток саксонцев. Однако 5 августа, в связи с нехваткой квартир для размещения прибывающих пленных в Белостокской области, последовало распоряжение о приостановлении отправки

саксонцев до особого распоряжения. К этому времени из Нижнего Новгорода до Владимира еще 30 июня были отправлены саксонцы Христиан Шахта и Николай Траугост.³¹

23 мая свободу получили австрийцы. В июле из Нижнего Новгорода в Рязань с коллежским секретарем Колосовым выступили 39 австрийцев, на содержание которых в дороге было выделено 1304 руб.87 коп. 6 декабря через в город на пути из Вятки во Владимир пришли еще 15 австрийцев.³² В декабре находившийся в Арзамасе австрийский доктор Вальтер подал прошение губернатору об освобождении, жалуясь, что его соотечественники уже отпущены домой, а он по прежнему находится здесь. Последовал ответ, что по спискам Вальтер числится французом, поэтому он остался среди пленных.³³

7 августа отправились в путь освобожденные еще в январе, но оставшиеся по болезни в Нижнем Новгороде пруссаки Генрих Моко и Август Лейман.³⁴

17 октября были освобождены баварцы, которых предписывалось отправлять в Брест Литовский. Находившиеся в губернии баварцы стали собираться в Нижнем Новгороде. Из Арзамаса прибыло 6 обер-офицеров, из Семеновского уезда – 1 рядовой. Всего вместе с находящимися здесь баварцами собрались 7 офицеров и 6 нижних чинов. Каждому был выдан овчинный тулуп, валенки, шерстяные чулки на общую сумму 123 руб. 60 коп. Офицеры получили по 100 руб. 3 декабря партия выступила в Тулу.

Через Нижний Новгород проходили баварцы и из других губерний. Так, из Вятки в ноябре-декабре прошли 6 партий: 1) 15 нижних чинов, 2) 16 офицеров, 3) 16 офицеров, 4) 13 офицеров и 162 [202] рядовых, 5) 2 штаб-офицера, 43 обер-офицера и 181 нижний чин, 6) 16 офицеров, 15 нижних чинов и 2 женщины. 2-я – 4-я партии были объединены и 1 января отправлены во Владимир. Из Перми прибыли 1 штаб-офицер, 3 обер-офицера, 5 нижних чинов.

В одной из вятских партий находился баварский фельдфебель Галлер, который по прибытии в Нижний Новгород принес жалобу на сопровождавшего партию судебного заседателя Гарчинова в причинении ему в пути побоев. По этому поводу губернатор предписал Макарьевскому нижнему земскому суду провести дознание.³⁵

В связи с нехваткой сопровождающих, губернатор вынужден был использовать для этих целей унтер-офицеров внутреннего гарнизонного батальона, но и его возможности скоро были исчерпаны. 22 декабря командующий батальоном подполковник Бараль рапортовал, что оставшиеся в его распоряжении солдаты все находятся в карауле и просил отменить приказ об отправлении 4 из них с очередной партией.³⁶

23 ноября вышло предписание об освобождении вюртембергцев. 3 декабря из Сергача в Нижний Новгород выступили находившиеся там 14 обер-офицеров и 1 рядовой. Офицеры получили по 100 руб. 8 декабря из Семеновского уезда отправились 11 нижних чинов и 1 женщина, а 9 декабря из Арзамаса - 4 обер-офицера и 1 рядовой.³⁷

28 ноября, последними из немцев, были освобождены подданные Рейнского Союза. К концу декабря в Нижний Новгород из Сергача прибыли 1 штаб-офицер, 13 обер-офицеров, 5 нижних чинов, из Балахни – 1 рядовой. 9 января 1814 г. в Чернигов отправились 16 офицеров и 61 нижний чин. Офицеры получили по 100 руб.³⁸

Остальные пленные были освобождены по распоряжению от 13 мая 1814 г. и находились здесь до лета. Установить точное количество проживавших в Нижегородской губернии французов и итальянцев, которых в основном касалось данное распоряжение, по архивным данным не представляется возможным. Сохранились ведомости по национальностям на февраль 1813 г. и 7 списков партий из числа 10 достоверно прибывших в губернию с августа 1813 г. по апрель 1814 г., в которых присутствовали представители этих национальностей. На 19 февраля 1813 г. в губернии состояло: французов – 1 генерал, 5 обер-офицеров, 468 нижних чинов; итальянцев – 2 обер-офицера, 58 нижних чинов. Впоследствии прибыли: французов [203] – 1 штаб-офицер, 88 обер-офицеров, 94 нижних чина, 3 женщины; итальянцев – 14 обер-офицеров, 9 нижних чинов; голландцев французской службы – 2 обер-офицера, 2 нижних чина.³⁹ Всего: французов – 1

генерал, 1 штаб-офицер, 93 обер-офицера, 562 нижних чина; итальянцев – 16 обер-офицеров, 67 нижних чинов; голландцев французской службы – 2 обер-офицера, 2 нижних чина.. Естественно, это не полные данные: в делах встречаются фамилии, которых нет в списках, нет всех списков приведенных пленным, равно как и умерших на момент освобождения, в губернии оставались больные из партий, проходящих в другие губернии.

В определении даты освобождения пленным французам помогают мемуары капитана Шерона. Он пишет, что приказ об освобождении был получен в Семенове вскоре после 2 (14) июня, а в Нижний Новгород они выехали 10 (22) июня. Там из прибывших были сформированы 3 партии по 60 офицеров и 200 рядовых. Цифры, конечно, округлены, но близки к архивным подсчетам. Около 15 офицеров покинули Нижний Новгород раньше остальных за свой счет на почтовых лошадях. Партия, в которой находился Шерон, отправилась в путь 26 июня (8 июля).⁴⁰

Как уже указывалось, пребывание мемуаристов на территории губернии различно по продолжительности. Французский капитан Шерон прибыл в губернию в августе 1813 г. и находился здесь до июня 1814 г., т.е. до своего освобождения. Осенью – в начале зимы 1812 г. через губернию проследовали польский врач 1-го класса Пешке и вестфалец унтер-лейтенант Рюппель и ганноверец рядовой Циммерман. Французский капитан Обри дважды проезжал через губернию – осенью 1812 г. и летом 1814 г. Француз су-лейтенант Белэ пребывал в Нижнем Новгороде 5 дней в октябре 1813 г., а в ноябре здесь же останавливался хирург Фюзей. После освобождения на пути домой через губернию проезжали ганноверец шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт (в июне 1813 г.) и баварец капрал Бютнер (в январе 1814 г.)

Пожалуй, самая большая часть мемуаров посвящена описаниям российских городов и селений, нравов и обычаев жителей, их одежды, пищи и т.д., что дает богатый материал для краеведческих исследований. Практически на всех произвел впечатление Нижний Новгород. В мемуарах описываются высокий берег, на котором стоит город, Кремль, окруженный крепостной стеной, другие многочисленные [204] постройки. Все упоминают о слиянии здесь Волги и Оки и различных вариантах переправы через последнюю – на лодках и пароме. Шерон упомянул и об огромном количестве судов, покрывающих обе реки, что придавало городу оживленный вид. Из других населенных пунктов губернии чаще всего упоминается Макарьев, хотя большинство пленным здесь не проходили. Славу этому месту принесла ярмарка, привлекающая покупателей и купцов из разных частей света. Пешке назвал Макарьев русским Лейпцигом, хотя и удивлялся невзрачному виду этого городка.⁴¹ Хотя, возможно, Пешке принял за Макарьев какой-то другой населенный пункт, т.к. Макарьев лежит почти в 80 верстах к востоку от Нижнего Новгорода, в стороне от дороги, по которой мемуарист отправился дальше в Пензу.

Сведений о губернаторе Руновском в мемуарах очень мало. Лишь Шенк, на пути домой останавливавшийся в Нижнем Новгороде, пишет, что проживавшие здесь во время плена офицеры сожалели о смерти недавно умершего губернатора, т.к. были довольны обращением с ними. Шерон, ожидавший отправки на родину, предвзято обвинял губернатора (нового) в затягивании отъезда.⁴²

Отношения с местными жителями у пленным были относительно неплохие, очевидно сказывалась незатронутость губернии войной. Русские дворяне охотно вступали в разговоры с пленными офицерами, делясь полезной информацией местного значения и новостями с театра боевых действий. Обыватели так же не проявляли открытой враждебности, а иногда и милосердно помогали проходящим пленным. Проживавший 10 месяцев в уездном Семенове Шерон был частым гостем в домах местной знати, хотя и высказал в своих мемуарах ряд нелицеприятных комментариев в адрес гостеприимных хозяев. Там же, по словам Шерона, французским офицерам приходилось драться с крестьянами, которые их оскорбляли.

Пленные из проходящих партий жаловались на запрет входить в населенные пункты и ночевки под открытым небом, что особенно тяжело сказывалось в зимний период.

Положение офицеров здесь было несколько лучше, так как им иногда разрешали отлучаться в поисках пищи, а то и просто нескольких часов, проведенных в тепле. Русские морозы упоминаются практически всеми. Так, Пешке говорит о многих своих товарищах, замерзших насмерть, причем некоторые [205] живые мечтали о том же, чтобы избавиться от мучений. Группы замерзших приходилось оставлять у дороги на съедение диким зверям, так как крестьяне отказывались брать их для погребения⁴³. В январе 1814 г. Шерон зафиксировал на своем термометре 33 градуса мороза по Реомюру (41,3 градуса по Цельсию). Тогда же Бюттнер отметил, что в день их прибытия в Нижний Новгород температура опустилась до 34 (42,5) градусов.⁴⁴

Больше всего воспоминаний о Нижегородской губернии оставил единственный известный мемуарист из проживавших здесь пленных – французский капитан Шерон. Как уже упоминалось, его записки носят предвзятый характер, очевидно автор хотел показать западному читателю образ «дикой» и «непросвещенной» России, а особенно ее глубинки. Прибыв после вышеописанного арзамасского инцидента в Семенов, Шерон с товарищами познакомился здесь с городничим, «добрым малым», и другими представителями местного дворянства. Жили впятером вместе со своим командиром. Особенно им нравилась дешевизна продовольствия, так что на офицерское жалование можно было пировать ежедневно. Неудобство заключалось в самостоятельной готовке пищи и по их просьбе к ним был переведен французский солдат. В январе 1814 г. офицерам было выдано по 100 рублей на покупку одежды, что позволило им заметно улучшить свое положение.

Шерон подробно описал один из приемов, на котором он побывал. Сначала гостям подали чашки кофе, после чего принесли водку, которую все должны были пить из одного кубка, приветствуя друг друга. Водку сменила полынная настойка, после чего пригласили к столу. На обед был большой длинный пирог, начиненный огурцами, цыпленок и пиво. Закончилось все французским вином и пуншем. После этого присутствующий здесь городничий пригласил офицеров в свой дом, куда они поехали на колясках. Там состоялась трапеза, включающая рагу, соленые грибы и огурцы, сопровождавшаяся донским вином, водкой и настойками. Особенно Шерона задело, что никто не приветствовал их речами, хотя два дворянина говорили по-французски, и что гости должны были обслуживать себя сами. После французов повезли в красивый загородный дом, где их ждали различные варенья, хороший арбуз и снова вина [206] и пунш. Поблагодарив хозяина за ужин, офицеры вернулись в свою квартиру около полуночи.⁴⁵

Пешке на пути к Нижнему Новгороду, помимо сильных морозов, жаловался еще и на паразитов, которые, по его словам, были составной частью плена, и мечтал о паровой бане. Его партия подошла к берегу Оки, которая еще не замерзла, и переправилась на противоположный берег на большом судне, закрепленном веревками на линии переправы. Высадившись на берегу и получив строжайший запрет на вхождение в дома, пленные стали жать своей дальнейшей участи. Пешке и его товарищ Рёдер, пользующиеся на правах офицеров относительной свободой передвижения, озаботились поисками водки и им повезло. Какой-то добрый мещанин позвал их к себе и не только их накормил, но и другим пленным послал подкрепиться. Хозяин имел дома большие запасы водки и, как только опустошалась одна бутылка, на столе тут же появлялась другая. Пешке признался, что никогда в жизни не пил столько спиртного. Вскоре к месту стоянки пленных из домов стали подходить местные жители и нести еду, одежду и деньги, так что пришлось их даже останавливать. Пешке был очень тронут такой заботой.

Берег Оки был заставлен многочисленными войсками и хозяин дома объяснил, что скоро эти войска вместе с императором Александром войдут в Париж. Вскоре вернулся партионный офицер и объявил радостную весть, что дальше на восток пленные не пойдут и свернут на юг, в Пензенскую губернию. Эта новость была отмечена очередной бутылкой.

На попечении Пешке по выходе из Ярославля, находилось 50 больных, в дороге

прибавился еще 21, 35 из них умерли. Пешке потребовал оставить больных в местном лазарете и снабдить всех пленных теплой одеждой. Первое требование было выполнено, а второе власти проигнорировали.

Наутро, незадолго до отхода партии, к лагерю пришли многие горожане и Пешке разговорился со знающим немецкий язык господином. Тот, в числе прочего, сообщил о беспорядочном отступлении французов из России и уверил, что пленные поляки вскоре будут отпущены на свободу.⁴⁶

Вестфальский унтер-лейтенант Рюппель описывал сильные морозы и смерть многих своих товарищей по несчастью, особенно рядовых, которые в отличие [207] от офицеров, большую часть дороги вынуждены были проделывать пешком. Во время частых снегопадов пленные, в ожидании дальнейшего пути, по три-пять дней проводили в крестьянских избах и маялись от скуки. Однажды они придумали способ поразвлечься и сделать свою форму снова чистой, перешив ее наизнанку.⁴⁷

Шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт, проезжавший Нижний Новгород на пути домой, остановился с другими офицерами в гостинице, где они имели все необходимое и хорошо питались за умеренную плату. Через три дня после приезда, Шенк, по просьбе своих товарищей, отправился к вице-губернатору, чтобы узнать о времени отъезда. Тот удивился, что бывшие пленные еще здесь и немедленно отдал приказ к их отправлению. Сопровождал партию полицейский офицер, который, по словам мемуариста, был совсем необразованным и часто выпрашивал у пленных офицеров по нескольку копеек на выпивку.⁴⁸

Баварский капрал Бюттнер встретил в Нижнем Новгороде многих баварских офицеров и солдат, собранных из Нижегородской, Вятской и Пермской губерний для последующей отправки на родину. Партия Бюттнера расположилась в пригороде за замерзшей Окой, где пробыла два дня. На следующий день старший офицер партии майор Бибер, взяв с собой Бюттнера, отправился в город на рынок, чтобы купить теплую обувь и шерстяные чулки. Офицеры позаботились и о нижних чинах, у которых не хватало денег, и купили им валенки.⁴⁹

В целом, мемуарные источники являются хорошим дополнением для архивных материалов и, в основном, не противоречат им и друг другу в основных вопросах. Особенно это касается похожих описаний Нижнего Новгорода и его окрестностей, погодных условий, описания жизни простого населения. Различия чувствуются, когда речь идет о действиях местных властей. Так, объективные причины, по которым власти не смогли оказать или задержали какую-либо помощь военнопленным (квартиры, жалование, одежда) иногда воспринимались как злой умысел против них. Да и поведение самих пленных во многом определяло отношение к ним со стороны администрации и обывателей. Свою роль в этих отношениях сыграл и многонациональный состав как наполеоновской армии, так и жителей среднего Поволжья, разница в культурном, религиозном и образовательном уровне людей, волею судеб оказавшихся рядом в это богатое на события время.

[208] Приложение №1.

Его Высокоблагородию г-ну Сергачскому городничему Петру Федоровичу Федорову польской нации гвардии порутчика Матвей Матвеева Шлея всепокорнейшее прошение!

Находясь пред сим под игом французского правительства невольным образом с другими несчастными соотечественниками приобщен я был оружием сей нации, наконец Ноября 17 дня 1812 года при краснинском сражении избит из среды полчищ я взят российским войском военнопленным. И теперь нахожусь под присмотром вашим в числе прочих разной нации военнопленных в городе Сергаче.

К сему совершенное желание посветить себя на службу Всероссийского Государя Императора есть побудительною причиною просить вашего ходатайства или кому следует

представления о определении меня в формируемые вновь казачьи полки, сие желание мое тем более убеждает меня, что отечество мое оружием российским от обладания французов уже очищено. Полагаю священным долгом быть под блистательными знаменами оружия российского. Прошению я уверяюсь вашим Снисхождением с тем вместе запечатлеваюсь искренним моим к российской службе усердием и ходатайствую о неоставлении отнестись о сем куда принадлежит.

Ноября ... дня 1813 года Польской нации гвардии поручик Матвей Матвеев сын Шлеи руку приложил.

ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.164, Л.296,об.

¹ Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907; Aubry T.J. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris, 1889; Fuzellier D. Journal de captivité en Russie. 1813-1814. Boulogne. 1991; Фюзейе Д. Дневник русского пленя 1813-1814 гг. // Лепта. 1992. № 3; Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung... Nürnberg; Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913; Ruppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912; Schenck von Winterstedt C.Ch.L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle. 1829; Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812-1814. Hannover. 1863; Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001

² Государственный архив Российской Федерации, Ф.1165, Оп.1, Д.573, № 2452

³ Там же, Д.185, Л. 1-8; Государственный архив Астраханской области, Ф.1, Оп.3, Т.2, Д.1530, Л.90, об.

⁴ Российский Государственный Исторический архив, Ф.1282, Оп.1, Д.777, Л.323; Ф.1409, Оп.1, Д.656, Ч.1, Л.203-210; Д.657, Л.203

⁵ Центральный архив Нижегородской области, Ф.2, Оп.6, Д.41, Л.3

⁶ Там же, Оп.4, Д.170, Л.59-61об., 64-66

⁷ Там же, Л.121-122об., 127, 143-144об.; Cheron. Op. cit. P.37; Peszke. Op. cit. S.33

⁸ ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.170, Л.130-133об., 188-189а об., 213

⁹ Там же, Л.233

¹⁰ Там же, Л.253, 256-257об.

¹¹ Там же, Оп.6, Д.40, Л.2, 5-7

¹² Там же, Оп.4, Д.170, Л.370, 371, 409, об.

¹³ Там же, Д.232, Л.7-11, 29-36, 54-58, 62-66, 70, 80-85; Оп.6, Д.41, Л.11-12

¹⁴ Там же, Оп.4, Д.170, Л.124, 125, 161, 162, 186-187, 193-194, 287

¹⁵ Там же, Л.159-160, 261, 298-299, 348-351

¹⁶ Там же, Л.154

¹⁷ Там же, Л.228, 289

¹⁸ Там же, Л. 195-197, 293-294, 321-333, 337-338, 364, 368, 386

¹⁹ Там же, Л.7, 10, 35, 295-297; Д.164, Л.59

²⁰ Там же, Д.150, Л.119; Д.151, Л.76, 84, 120, 132, 149, 186, 243, 262, 348, 393; Д.229, Л.151, 202

²¹ Там же, Д.170, Л.198-199, 384; Д.232, Л.7; Оп.6, Д.41, Л.6, 10

²² Там же, Оп.4, Д.170, Л.344-346, 389

²³ Там же, Д.166, ЛЛ.1-6; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, изданные П.И. Щукиным. Т.4. М-1899. С.196

²⁴ ГАРФ, Ф. 1165, Оп.1 Д.579, № 4313; ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.150, Л.356; Д.243, Л.1-5

²⁵ Там же, Д.170, Л.11, 38; Ф.2, Оп.6, Д.41, Л.7

²⁶ РГИА, Ф.1282, Оп.1, Д.776; ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.151, Л.73; Д.170, Л.39-44, 47; Д.242, Л.2-3об.; Д.244, Л.2-3

²⁷ Там же, Д.170, Л.222-223; Д.232, Л.54; Ф.5, Оп.42, Д.237

²⁸ Там же, Ф.2, Оп.4, Д.170, Л.151-153

²⁹ РГИА, Ф.1282, Оп.1, Д.777, Л.324

³⁰ ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.170, Л.9, 268, 300-302; Оп.6, Д.41, Л.2

³¹ Там же, Л.2-3

³² Там же, Д.40, Л.1, об.; Д.41, Л.9

³³ Там же, Оп.4, Д.164, Л.66-68

³⁴ Там же, Д.170, Л.4-5

³⁵ Там же, Д.164, Л. 6, 7, 11, 23-24, 28-29, 40, 43-44, 49, 63; Оп.6, Д.40, Л.4; Ф.5, Оп.42, Д.479, Л.4

³⁶ Там же, Оп.6, Д.40, Л.8

³⁷ Там же, Оп.4, Д.164, Л.45-46; Ф.5, Оп.42, Д.479, Л.1, 5-6, 8-9, 13

³⁸ Там же, Ф.2, Оп.4, Д.170, Л.411-415об.

³⁹ РГИА, Ф.1409, Оп.1, Д.656, Ч.1, Л.204об.-205, 209; ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.170, Л.189-189а об, 213, 323-333об; Д.232, Л.8об-11, 33об-36, 55об-56, 63об-66, 82об, 85

⁴⁰ Cheron. Op. cit. P.39-40

⁴¹ Peszke. Op. cit. S.28

- ⁴² Schenck von Winterstedt. Op. cit. S.138; Cheron. Op. cit. P.40
⁴³ Peszke. Op. cit. S.29
⁴⁴ Cheron. Op. cit. P.38; Bütner. Op. cit. S.57
⁴⁵ Cheron. Op. cit. P.37-70
⁴⁶ Peszke. Op. cit. S.29-32
⁴⁷ Rüppel. Op. cit. S.134-136
⁴⁸ Schenck von Winterstedt. Op. cit. S.138-139
⁴⁹ Bütner. Op. cit. S.64-65